

ХУЛИАН
КАРРОН

ПРОБУЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

*Размышление
о головокружительных
временах*

Хулиан Каррон

Пробуждение человечности

Размышление
о головокружительных
временах

Под редакцией Альберто Савораны

© 2020 Братство «Общениа и освобождения»

Итальянское издание: Milano, BUR Rizzoli;

электронная книга – апрель 2020 г.,

бумажная версия – июнь 2020 г.

Пробуждение человечности

В считанные недели чрезвычайная санитарная ситуация, вызванная коронавирусом COVID19, стала общим опытом. Все мы посвоему ощутили ее вызов. Как ни парадоксально, изоляция, в которой мы оказались, стала возможностью для серьезного диалога, пусть и на расстоянии.

Каждый так или иначе пытается примериться к непредвиденному факту, вторгшемуся в нашу повседневную жизнь, потребовавшему резкой перемены образа жизни, пробудившему острые вопросы, которые нам не удастся игнорировать. Как дать ответы, соразмерные обстоятельствам?

Отец Хулиан Каррон, президент Братства «Общение и освобождение», задается теми же вопросами, что и все. И на этих страницах предлагает свой вклад в общие размышления.

Что вообще творится?

Мы находимся перед беспрецедентным для нашего поколения вызовом. Его хорошо сформулировал в газете *El País* испанский поэт Хулио Льямасарес: «Сегодня мне исполняется шестьдесят пять лет, и происходит это в наиболее критический момент из всех мне известных»¹.

Сложившаяся обстановка позволила нам осознать, что в эти годы мы жили как бы в пузыре, в котором чувствовали себя вполне защищенными от ударов жизни. Так мы и жили: в рассеянности, притворяясь, будто все у нас под контролем. Однако обстоятельства расстроили наши планы и суровым образом призвали ответить, принять всерьез наше «я», задаться вопросом о нашем действительном эк-

¹ *El País*. 28 de marzo de 2020.

зистенциальном положении. В эти дни реальность пошатнула нашу более-менее спокойную и монотонную повседневность, представ перед нами под видом грозного COVID-19, нового вируса, спровоцировавшего чрезвычайную санитарную ситуацию на международном уровне.

Реальность, от которой мы часто бежим в попытке вздохнуть свободно, поскольку не умеем находиться с самими собой, в этот раз обошлась с нами немилосердно, вынудив многих из нас закрыться дома, остановиться. И в изоляции перед нашими глазами предстало – возможно, впервые так ясно и так повсеместно – наше экзистенциальное положение. Несколько лет назад я прочитал в американской газете об одном заключенном: вынужденный считаться с годами лишения свободы, он в конце концов должен был остановиться и задуматься: «Stop and think». Так и мы, привыкшие миллионом разных способов сбегать от самих себя и от глубокого призыва, исходящего от вещей, в это время, вероятно, не могли не остановиться и не задуматься.

Из-за чего лопнул «пузырь» жизни, в которой все под контролем?

Из-за непредвиденного и неожиданного вторжения реальности по виду коронавируса. Об этом убедительно пишет испанский романист Хосе Анхель Гонсалес Сайнс: «В жизни страны или в жизни человека бывают моменты, когда реальность, самая конкретная и объективная реальность, самая необработанная и неприправленная рецептами и поварами, для которых нормальное дело – стряпать образ мыслей и истории, внезапно вторгается с пугающей силой, к которой мы не привыкли. Реальность не становится реальной в тот момент, она была реальной всегда, была такой изначально, но прежде она была легче, и это позволяло нам не смотреть ей в лицо постоянно, достаточно было посматривать краем глаза, сосредоточившись на историях и иллюзиях, более-менее приятных или обманчивых, которые нам подавали. <...> Когда же то, что действительно и неоспоримо лежит в основе вещей и все их поддерживает, неожиданно вырывается наружу и распространяется, выходя из-под контроля – или из круговерти – иллюзорной части нашей жизни, тогда представление об иллюзии,

в которой мы жили и с точки зрения которой рассматривали реальность, колеблется. Именно это происходит сейчас повсюду».

Случившееся оказалось подобно цунами, извержению вулкана, застигнутому нас врасплох. Гонсалес Сайнс продолжает, выявляя причины подобной слабости: «Привычка подменять вещи и факты их намеренно искаженными интерпретациями: реальность – идеологией, истину – безнаказанностью обмана, а существенное – банальным, – ставит нас в худшие условия при столкновении с самым что ни на есть настоящим возмездием реальности»². Реальность воспротивилась такому ее непризнанию и в один момент потребовала вернуть ей «главную» роль. Фернандо де Аро, наш друг-журналист, работающий на испанском радио, пишет, вторя словам процитированного выше романиста: «Реальность... была, но мы ее не видели. Теперь же она прорвалась, наделав шума. <...> Реальность вошла, не спрашивая разрешения. <...> И сейчас нам необходимо превратить „нутро реальности в сердце ума“ (Х. А. Гонсалес Сайнс)»³.

² *El Mundo Viernes*. 20 de marzo de 2020.

³ *ilsussidiario.net*. 24 marzo 2020.

Но что значит «превратить „нутро реальности в сердце ума“»?

Значит, что благодаря мощному вторжению реальности вновь проявилась во всем своем масштабе та потребность в понимании, которую мы называем разумом. Порой из-за жизненных трудностей или лени мы прерываем путь взгляда и останавливаемся на видимости, остаемся на поверхности вещей, словно весь мир исчерпывается общими местами, к которым мы так привыкли, или тем, что мы видим через узкую щель нашей рационалистской меры, меры узкой, слишком мизерной и в конечном итоге удушающей (именно нехватка воздуха говорит о поверхностности). Только принятое нами столкновение с реальностью способно вновь распахнуть разум. Наши глаза всегда открываются, когда мы ощущаем в себе ответный порыв, когда мы поражены. Возникновение и развитие познания подразумевает наличие изначального аффективного аспекта. Чем больше реальность поражает и интересуется нас, тем шире взгляд разума распахивается, простирается, тем он острее и не довольствуется дешевыми решениями. Вещи раскрываются в их смысле и испол-

ненности бытия только перед разумом, аффективно вовлеченным в них. Чувство, вызываемое реальностью (изумление, страх, любопытство), – существенный фактор для зрения, этакая «линза», приближающая объекты. Именно в этом мы убедились.

Случившееся пробудило наше внимание, привело в движение наш разум и заставило признать, выйдя за рамки удобных схем, что «есть много в небесах и на земле такого, что нашей мудрости, Гораций, и не снилось», выражаясь словами Шекспира⁴. Иначе говоря, в настоящий момент разум вновь предстает как «единственное в своем роде явление природы, в котором она открывается как активная потребность объяснить реальность *во всех ее факторах*, чтобы человек подошел к истинной сути вещей»⁵.

Теперь мы понимаем, почему оказались в пузыре. На протяжении долгого времени нам, видимо, удавалось уклоняться от столкновения с реальностью (хотя она и не переставала разворачи-

⁴ *Гамлет*. Акт I, сцена V. Пер. князя К. К. Романова.

⁵ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 113.

ваться вокруг нас и задавать нам вопросы), мы не позволяли ей бросать нам вызов и верили, что смогли приручить ее, и чувствовали себя защищенными в привилегированных условиях жизни. «В человеке, который редко сталкивался с реальностью, например потому, что ему мало приходилось трудиться, скудным окажется ощущение собственного сознания, он в меньшей степени будет воспринимать силу и трепет своего разума»⁶. Сегодня не то что невозможно (так как в человеческом опыте нет ничего механического), но ужасно сложно увернуться от натиска реальности, которая столь неумолимо и драматично бросает нам вызов. В любом случае, человек, ограждающий себя от провокаций реальности, от событий, не сможет до конца испытать тот невыразимый трепет разума и сердца, что делает нас людьми. В последние недели мы были свидетелями многочисленных знаков этой человечности, которые наполнили нас благодарностью и изумлением.

⁶ Ср. *Там же*. С. 117.

Что ты подразумеваешь под «невыразимым трепетом разума»?

Вопросы, которые нас обуревают. Вызов, брошенный нам реальностью, «вынудил» нас заглянуть глубже в нашу человеческую сущность. Мы были вырваны из зоны комфорта, где удобно устроились, и нас захлестнули вопросы, которых обычно мы более или менее намеренно избегаем или которые хороним в повседневной рутине. Умберто Галимберти, отвечая одной читательнице, подчеркивает: «В непривычных условиях, сложившихся из-за приостановки нашей повседневной деятельности, в этом состоянии потерянности не стоит ли вам обратиться к своему внутреннему миру, тому, что вы обычно оставляете без внимания, чтобы узнать, кто вы? Что вы делаете в мире? В чем смысл вашей жизни? <...> Такие размышления стали бы настоящим шагом к тому, чтобы подлинно быть людьми, ведь жить, не зная себя, – далеко не лучший вариант для самореализации и для обретения смысла собственного существования»⁷. Любой кризис, любой серьезный удар реальности, как учит нас

⁷ *D la Repubblica*. 21 marzo 2020.

Ханна Арендт, «толкает нас назад к вопросам»⁸, позволяет проявиться нашему «я» со всей его потребностью в смысле, пробуждает в нас вопль: «Почему?»

И вопросы эти приводят нас в волнение, тревожат, вынуждают сосредоточиться на том, что от нас ускользает...

Это вопросы разума, неотрывно сопровождающие человека на его пути, поскольку он существо, сознающее самого себя. Они свидетельствуют о радикальном и неутомимом поиске смысла перед лицом происходящего (реальности, боли, смерти), а вместе с тем — о глубоком созвучии рациональности и религиозности, созвучии, которое может удивить тех, кого наша культура приучила сводить религиозность к чувству, к ощущению. Возникновение этих вопросов (В чем смысл бытия? Почему существуют страдание и смерть? Почему в конце концов стоит жить? Откуда и ради чего взялась

⁸ Х. Арендт. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 261.

реальность?) говорит о призвании разума и о том, что мне представляется подлинной, неискоренимой религиозностью человека.

Что открылось разуму в сегодняшней ситуации?

Структурная хрупкость (не случайная и не временная), проявившая во всей ее драматичности. Многие писали о ней в эти дни. Я хотел бы процитировать двух дорогих мне людей, Пилар Рахолу и Педро Куартанго, известных интеллектуалов из Барселоны и Мадрида, которые попытались осмыслить пандемию, поставившую на колени и мою родину.

Рахола утверждает: «Шок от пандемии заставит нас в большей степени ощутить нашу уязвимость, убедиться наконец, что наша модель жизни, да и сама жизнь невероятно хрупки. Идея хрупкости, вероятно, всегда присутствовала в человеческой истории, но мы подзабыли ее в эти времена технологической гордыни. Простой простудный вирус – и внезапно в мире хаос... Да, без всякого сомнения, мы вернемся к большему осознанию на-

шей уязвимости»⁹. То, что мы уязвимы, не новость, а характеристика, заложенная в нас с рождения. Однако во времена технологической гордыни, когда казалось, будто все в наших руках, мы несколько забыли об этом факте, отвлеклись от него, упустив из виду, кто мы. Нужен был прорыв со стороны реальности, чтобы вернуть нас к осознанию чего-то очевидного, но не само собой разумеющегося. «Это бедствие, – подчеркивает Педро Куартанго, – позволяет нам осознать человеческую хрупкость и глубинную незначительность перед лицом природных сил, нам неподконтрольных. Запомним этот урок о том, кем мы не являемся»¹⁰.

Последовательным дополнением приведенных мыслей я нахожу и замечание Жана-Пьера Ле Гоффа в газете *Le Figaro*: «Мы должны противостоять трагедии и вновь столкнулись с ограниченностью нашего состояния, „хрупкостью человеческих вещей“... Это приостановившееся время может стать возможностью сосредоточиться на главном, попробовать понять вызовы нашего времени. <...> Перелом, спровоци-

⁹ *La Vanguardia*. 26 de marzo de 2020.

¹⁰ *ABC*. 24 de marzo de 2020.

рованный эпидемией... ставит под вопрос идеи и представления, казавшиеся прочно укоренившимися... Современная жизнь как будто структурирована противоположно мысли Паскаля, согласно которой „Всё несчастье людей происходит только от их неумения спокойно сидеть в своей комнате“. <...> Эпидемия обязывает нас предстоять перед трагизмом истории, не пытаясь увернуться. ...каждому нужно извлечь из нее надлежащие уроки»¹¹.

Вновь обретенный опыт собственной хрупкости объединяет нас всех...

Да, мы слышали, как папа Франциск сказал об этом на весь мир, стоя на безлюдной площади Святого Петра вечером 27 марта, сказал так красноречиво, что все погрузились в молчание: «Мы осознали, что оказались в одной лодке, все мы, хрупкие и растерянные... Буря обнажает нашу уязвимость и раскрывает ложную и поверхностную уверенность, с которой мы выстроили наш распорядок дня, наши проекты, наши привычки и приоритеты. Она показывает,

¹¹ Цит. по *Il Foglio*. 30 marzo 2020.

как мы позволили притупиться и потускнеть тому, что подпитывает и поддерживает нашу жизнь и нашу общину, что придает им силу. Буря изобличает все наши „заранее заготовленные“ идеи и забвение того, что питало душу наших народов, все попытки усыпить нас с помощью привычек, на первый взгляд „спасительных“, но неспособных напомнить о наших корнях и поддерживать живой память предков. Тем самым мы лишаемся иммунитета, необходимого для того, чтобы противостоять невзгодам. С приходом бури стерся грим стереотипов, которым мы маскировали наше „эго“, вечно обеспокоенное собственным внешним видом». Франциск поместил в одну лодку всех нас, всю застигнутую бурей человеческую семью и все творение: «Мы не остановились перед Твоими призывами, не пробудились перед лицом мировых войн и несправедливости, мы не вняли воплю бедных и нашей тяжело больной планеты. Мы невозмутимо шли дальше, думая, что всегда будем здоровы в нездоровом мире. Теперь же, находясь в бушующем море, мы молим Тебя: „Проснись, Господи“»¹².

¹² Франциск. *Молитва на площади Св. Петра*.
27 марта 2020 г.

Что же дает нам открытие собственной хрупкости, уязвимости? Какая от него польза?

Оно выводит из оцепенения, в котором мы обычно живем, вырывает из рассеянности, в которую постоянно впадаем, почти того не сознавая, из состояния притупленности, которое часто наваливается на нас: «Нас все замалчивает, как будто в согласии тайном, / Отчасти стыдясь, отчасти надеясь на что-то»¹³. Речь не только о том, чтобы открыть собственную хрупкость («Вдали от ветки милой, / Несчастный лист увядший, / Куда летишь?»)¹⁴ – писал Леопарди). Само ощущение нашей хрупкости несет в себе как условие человеческого величие, «тайну вечную земного бытия»: «О, если ты, природа человека, / Лишь тление, ничтожество и прах, / Как можешь ты парить так высоко?»¹⁵ Признание нашей ограниченности, нашей конечности, ощущение трагичности предполагает то бесконечное желание,

¹³ Р. М. Рильке. *Дуинские элегии*. Элегия вторая. Пер. В. Б. Микушевича.

¹⁴ Дж. Леопарди. *Подражание*. Пер. А. Наймана.

¹⁵ Дж. Леопарди. *К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии*. Пер. В. Ф. Помяна.

что определяет нас как людей прежде, чем мы об этом догадываемся. «[Иметь] дар воображения, позволяющий представить себе бесконечность мироздания и при этом ощущать, что наш дух и наши желания еще неизмеримей, чем вселенная»¹⁶. Величие это подразумевает и способность к принятию нашей брэнности: мы не сами себя творим, не мы даем себе бытие. Мы глубоко зависимы. И сегодня у нас есть особая возможность лучше это осознать.

Ты заметил какие-либо признаки такой «встряски» сознания?

Да, и не только в людях, в писателях, от которых естественно ее ожидать. Преподаватель на пенсии, помогающий школьникам с учебой, рассказывает: «Сегодня я увидел проблеск света в неизменно тревожных новостях о коронавирусе. Мы провели видеовстречу для всех желающих из наших студентов, занимающихся с нами итальянским в рамках проекта „Портофран-

¹⁶ Дж. Леопарди. Мысли. LXVIII // *Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли*. М.: Республика, 2000. С. 364.

ко“. Это юноши и девушки иностранного происхождения, египтяне и марокканцы», разного вероисповедания, в том числе и мусульмане. «Говорили о том, как живем в сложившейся ситуации: о страхах, беспокойствах, об отсутствии школы. Вдруг один из них сказал, что в этих обстоятельствах заметнее человеческие ограничения. Так начался диалог, и в нем выявились различия в мнениях о том, кто такой Бог, но одновременно стало ясно, что нас объединяет поиск смысла в этой драме и вопрос, почему она является испытанием для каждого. Обсуждение получилось насыщенным, без предрассудков, оно было отмечено общим стремлением понять доводы других и свободой между людьми, которые всерьез воспринимают происходящее и переживают его как проверку того, что в жизни ценно»¹⁷.

Мы же, напротив, обычно проживаем долгие отрезки нашего существования с ложным представлением о самих себе, отправив в карантин наше человеческое положение. В результате мы словно пребываем под анестезией. Поэтому Льямаса-

¹⁷ *Con tutti noi condividiamo la stessa domanda.* clonline.org. 24 marzo 2020.

рес замечает: «Если настоящая санитарная катастрофа чем-то нам и полезна, так это тем, что она напоминает о хрупкости всего, о которой мы забываем, стоит нам провести несколько лет подряд в мире и благоденствии»¹⁸.

Каковы последствия такого оцепенения?

Мы становимся беззащитными перед непредвиденными событиями жизни. Как пишет Гонсалес Сайнс, «когда в высшей степени суровая и конкретная реальность жестоко врывается, как сейчас, когда расстояние между фактами и рассказами, между именами, которые мы даем вещам, и вещами, которые носят эти имена, сведено до минимума, все фальшивые иллюзии, вся адская машина лжи и лицемерия, все пустое невежество и отсутствие благоразумия, и твердого сцепления с реальностью, и наиболее эффективного, своевременного и действительно полезного контроля над ней и управления ею, – худшее оружие в столкновении с ней. Реальность наступает нас совершенно несведущими, без-

¹⁸ *El País*. 28 de marzo de 2020.

оружными, заложниками самых непродуктивных ментальных привычек»¹⁹.

«Когда в высшей степени суровая и конкретная реальность жестоко врывается...» Какие мрачные слова!

Реальность не дает нам послаблений. Как написал 3 апреля журналист Паоло Миелли, «в мире уже миллион заразившихся. Миллион, и мы знаем, что этим дело не кончится. Половина населения земного шара заперта в домах. В Италии рекордное число умерших (13 915). В затылок ей дышит Испания, преодолевшая порог в десять тысяч. В Болонье скончался первый госпитализированный заключенный. В Китае на мосту через Янцзы жители провинции Цзянси устроили беспорядки в решительной попытке помешать передвижению людей из провинции Хубэй, где только что объявили о снятии карантина. Одновременно была изолирована провинция Хэнань, граничащая с Хубэем. В Гонг-Конге карантин ввели повторно, после того как вирус вновь появился по

¹⁹ *El Mundo Viernes*. 20 de marzo de 2020.

причине (так утверждают официальные источники) несоблюдения безопасной дистанции в ресторанах»²⁰.

С распространением вируса мы переживаем опыт реальности как чего-то инакового, мрачного, глухого и абсолютно отличного от нас, реальности как неумолимого присутствия, от которого мы зависим. Вопреки любым редукциям с нашей стороны, превосходство реальности проявилось несомненным образом. Ее нельзя преуменьшить, и этот факт ставит перед нами вопросы, неослабно удерживает наше «я» в своей власти. Вместе с Ницше мы пришли к убеждению, что «фактов не существует, есть только интерпретации фактов»²¹. Его приговор, который на протяжении многих лет считался неоспоримой истиной, в ситуациях, как сегодняшняя, обнаруживает свою уязвимость. Реальность, казавшаяся преодоленным этапом, упряма, и вновь выходит на сцену, убедительно возвращается на первый план. Перед нашим взором – нечто боль-

²⁰ *Corriere della Sera*. 3 aprile 2020.

²¹ Cf. F. Nietzsche. *Frammenti postumi 1885–1887 // Opere*. Milano: Adelphi, 1975. Vol. VIII. Fr. 7 (60). P. 299.

шее, нежели интерпретации: настойчивые факты, требующие к себе внимания и должного истолкования. У нигилизма, по крайней мере в этом смысле, нет пространства для маневра.

Упрямство реальности не оставляет нас в покое, хотя часто мы предпочли бы этого не видеть, как несколько недель назад, когда колонна военных машин перевозила гробы с нашими умершими из Бергамо. И потому прав Доменико Квирико (итальянский журналист. – *Примеч. перев.*), когда пишет: «Разве задаваться вопросом о смерти, с достоинством, в молчании, – не культурный долг, который возлагают на нас эти обстоятельства?»²²

Реальность вновь проявляется во всей ее таинственности. Эцио Мауро (итальянский журналист. – *Примеч. перев.*) говорит о «тревогах, возникающих из неизвестности, в недостижимом измерении»²³, в свете которого мы понимаем, что наша способность доминировать ограничена.

²² *La Stampa*. 5 aprile 2020.

²³ *La Repubblica*. 11 marzo 2020.

И когда реальность проявляется вот так, в своей таинственности, она внушает страх...

В самом деле, враг, с которым мы сражаемся, – не коронавирус, а в первую очередь страх. Мы всегда его ощущаем, но тем не менее он вырывается наружу, когда реальность обнажает наше принципиальное бессилие, и нередко одерживает верх, заставляя нас реагировать беспорядочно, доводя до замкнутости и отчаяния. Это подчеркнул Ильво Диаманти (итальянский политолог и социолог. – *Примеч. перев.*), неизменно внимательный к волнениям в нашем обществе: «Мы живем во „времена страха“. <...> Потому что не-Защищенность и не-Уверенность сопровождают нас много лет. Вероятно, испокон веков. <...> Так страх проник в нашу жизнь. В наш мир. Задолго до вторжения COVID. <...> Далекие от других. Все более одинокие. <...> Мы рискуем утратить надежду. И самих себя»²⁴. Однако поддаться страху – не единственный путь.

²⁴ *La Repubblica*. 9 marzo 2020.

Что ты имеешь в виду?

В подобные моменты открывается путь взросления, который каждый проделал лично и вместе с другими, самосознание, которое человек приобрел, его способность или неспособность встречать лицом к лицу данную ему жизнь. Наши идеологии, малые и великие, наши убеждения, даже религиозные, подвергаются испытанию. В корке ложных уверенностей обнаруживаются трещины. Именно в обстоятельствах, как те, в которые мы погружены сейчас, становится понятно: «сила человека заключается в глубине его самосознания, то есть восприятия ценностей, определяющих его личность»²⁵, в ясности, с какой он ощущает самого себя и то, ради чего стоит жить.

Что значит по-человечески переживать сложившиеся обстоятельства, которые, хотим мы или нет, касаются всех, хотя и по-разному: кто-то сражается с болезнью на передовой (пациенты,

²⁵ L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: BUR, 2010. P. 132.

врачи, медперсонал), кто-то обеспечивает наличие услуг первой необходимости (от работников супермаркетов до блюстителей порядка), кто-то разделяет нужду с другими (волонтеры, служители Церкви и многие другие), кто-то сидит дома, подчиняясь правилу изоляции и «социального дистанцирования»?

Есть один общий знаменатель, и это готовность внять призыву, исходящему от реальности. Независимо от того, в какую категорию из вышеперечисленных мы попадаем, какая задача на нас возложена или какую мы сами решили выполнять, происходящее, или, иначе говоря, фрагмент реальности, касающийся нас, смыкающийся вокруг нас, обращается к нам, призывает нас к ответу. Нет другого места, где вставал бы вопрос о смысле жизни, о жизни как судьбе. Нет иного способа идти к собственному свершению, кроме данных нам обстоятельств. Это, позволю себе сказать, верно для всех. В своей известной книге «Религиозной чувство» отец Джуссани утверждает: «Единственное условие для того, чтобы постоянно и по-настоящему быть религиозными, – всегда насыщен-

но жить реальностью»²⁶. Его понимание религиозности побуждает нас распознавать в любом обстоятельстве призыв, или призвание.

Обстоятельства, то, что мгновение за мгновением нас затрагивает и провоцирует, являются конкретным воплощением реальности, которую творим не мы и которая отсылает нас к своему изначальному истоку – к чему-то иному, лежащему вне нас, более великому, чем мы, к бездонному истоку, что мы зовем Тайной. Религиозность проявляется как интуитивное ощущение Тайны, этой загадочной неизмеримости, переживаемое в отношении со всяким жизненным обстоятельством. Поэтому все тот же отец Джуссани говорит: «Переживать жизнь как призвание – значит стремиться к Тайне посредством обстоятельств, через которые... Господь ведет нас, и отвечать на них. <...> Призвание есть движение к судьбе в принятии обстоятельств, через которые судьба ведет нас»²⁷. Джуссани прекрасно сознавал, какой голово-

²⁶ *Религиозное чувство*. С. 126.

²⁷ L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Milano: Rizzoli, 2018. P. 65.

кружительный эффект это оказывает на жизнь: «Человек, рациональная жизнь человека должна зависеть от мгновения, зависеть в каждый миг от знака, внешне столь зыбкого, столь случайного, каким являются обстоятельства, посредством которых неведомый „господин“ увлекает меня своим замыслом, призывает следовать ему и говорить да во всякий момент, ничего не видя, просто поддаваясь давлению обстоятельств. Такая позиция головокружительна»²⁸. Сложно найти более точные слова, чтобы описать ситуацию, в которой мы оказываемся, когда действительно предстоим перед происходящим: мы «в каждый миг [головокружительно зависим] от знака, внешне столь зыбкого, столь случайного, каковым являются обстоятельства». И все же, говорю я, это единственная разумная позиция, ведь именно через обстоятельства Тайна, «неведомый господин», обращается к нам, подталкивает нас к своему загадочному замыслу, к свершению жизни.

²⁸ Ср. *Религиозное чувство*. С. 156.

Часто мы видим в обстоятельствах, в определенных обстоятельствах лишь препятствие на пути самореализации...

Это вечная проблема. Сегодня дело в изоляции, вызванной коронавирусом, или в какой-то другой ситуации, еще более трудной и напряженной, завтра – в слишком тяжелой учебе или в работе, которую приходится выполнять, хотя мы никогда бы ее для себя не выбрали, или в отсутствии успеха там, где мы его ожидали, в отвергнутой любви, в навязчивом друге или коллеге, в болезни: всегда что-то будет казаться препятствием на пути реализации нашей жизни, тогда как в действительности головокружительным и драматичным образом является местом, где совершается жизнь, где развивается наше отношение с Тайной. И это, я бы сказал, объективный факт, а не наш выбор. Выбор же в том, чтобы признавать или не признавать это.

Что может поддерживать нас в такой «головокружительной позиции»?

Компания людей. Или, лучше, определенная компания. Этот ответ ведет нас

к внимательному исследованию нашей общественной жизни, цель которого – увидеть, кто помогает нам, а кто отвлекает от головокружительной позиции. Изоляция – парадоксальная возможность, чтобы понять, какая компания подпитывает глубины нашего существования. Я имею в виду компанию не внешнюю, не параллельную жизни, компанию, которая не усыпляет вопросы, бурлящие внутри нас, но, напротив, помогает смотреть им в лицо и не убежать. Проверке в этом смысле подвергается любая компания, христианская или светская: товарищи в школе или университете, друзья по бару, коллеги, члены семьи и т. д. Как часто, когда дело касается нашей нужды, мы опускаемся до компромиссов и занижаем планку, довольствуясь сферой отношений, защищающей нас от внешних ударов, избавляющей от вызовов обстоятельств вместо того, чтобы побуждать нас к их переживанию! Однако подобная компания не дотягивает до драмы существования, и в моменты вроде сегодняшнего, в которые острота жизни проявляется со всей ее неустранимой силой, это очевидно, как никогда.

Если нас охватывает страх, что же в состоянии его победить?

Пожалуй, простейший опыт, которым мы располагаем, чтобы ответить, – опыт ребенка. Что побеждает страх в ребенке? Присутствие мамы. Этот «метод» годится для всех. Жизнь каждого из нас поддерживается, приводится в движение присутствием, а не нашими стратегиями, не нашей разумностью и не нашей смелостью, – присутствием, живой памятью о нем.

Антонио Полито (итальянский журналист и политик. – *Примеч. перев.*) подчеркнул ценность метафоры матери и ребенка как подлинного ответа на страх, вызванный коронавирусом: «Я вижу потребность в доверии чему-то превосходящему нас, бесконечно любящему нас, а значит, и оберегающему; это доверие, свойственное детям». И он сослался на образ Богородицы Милосердия, которая «распростирает свой покров и защищает народ»²⁹.

²⁹ *Tracce – Litterae communionis*. N. 4. 2020. P. 15.

А когда боишься смертельной тьмы?

Динамика всегда та же самая, поскольку человек существует по определенным законам. Но перед лицом глубинного страха, который, словно тисками, сжимает самые основы нашего существа и который мы всеми силами стараемся изгнать как можно дальше (страха смерти и любых его отголосков в нашей жизни), нужно спросить себя, какое присутствие способно победить его. Не всякое присутствие. Поэтому-то Бог и вочеловечился, стал историческим присутствием во плоти, близким нам, нашим спутником. Лишь Бог, входящий в историю как человек, может победить глубинный страх, о чем нам свидетельствовала и свидетельствует жизнь Его учеников, о чем рассказывает Евангелие. Чтобы разделить с нами наши тяготы, Бог стал человеком, «человеком по имени Иисус, родом из Назарета, Сыном Марии, Которого... в тот раз в Наине при виде матери, вдовы, следовавшей за гробом единственного сына, охватило сильное чувство, и, приблизившись, Он положил ей руку на плечо и сказал: „Женщина, не плачь“, – такие странные, не подходящие к случаю слова. А потом воскресил

ее сына. Но как можно сказать вдове, потерявшей единственного сына: „Не плачь“? Это нелепо. Но именно эта „нелепость“ заставляла людей разинуть рот»³⁰. Кто знает, что ощущала та женщина, охваченная объятием, превосходившим любое человеческое чувство и возвращавшим надежду! Смерть не была концом всего, мать-вдова не была обречена остаться в одиночестве, потому что семя Воскресения присутствовало в Человеке, Который сказал ей несслыханные слова и сразу же после вернул ей сына живым.

Так каков же тогда ответ христианства на человеческую драму, на одиночество, на страдания, на болезнь, на неразрешимые ситуации, которые мы в большом количестве наблюдаем в эти дни?

У Поля Клоделя есть на этот счет животрепещущее наблюдение: «В душе больного постоянно возникает один вопрос: „Почему? Почему со мной? Почему я должен страдать? <...> На этот

³⁰ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М., 2019. С. 57.

ужасный вопрос, более древний, чем человечество, которому Иов придал почти официальную и литургическую форму, лишь Бог, напрямую спрошенный и привлеченный к суду, в состоянии ответить, и вопрос был столь огромным, что лишь Слово могло подступиться к нему, предоставив не объяснение, а присутствие, согласно словам Евангелия: „Я пришел не объяснить, не рассеять сомнения с помощью объяснений, но наполнить или, лучше, заместить Моим присутствием саму потребность в объяснениях“. Сын Божий пришел не чтобы сокрушить страдание, а чтобы страдать с нами»³¹.

На проблему жизни, одиночества, страдания Бог ответил не объяснением, а Своим присутствием: Он пришел в мир, чтобы сопровождать нас на жизненном пути, стал человеку спутником в любых ситуациях, чтобы человек мог встречать их лицом к лицу, преодолевать их с высшей и нерушимой положительностью. Как сказал в одной своей проповеди Бенедикт XVI, «только этот Бог спасает нас от страха перед миром и тревогой перед

³¹ P. Claudel. *Toi, qui es-tu?* Paris: Gallimard, 1936. P. 112–113.

пустотой собственного существования. Только когда мы смотрим на Иисуса Христа, наша радость в Боге достигает полноты и становится искупленной радостью»³².

Ты говоришь о «нерушимой положительности». Как она возможна?

Представляю, как счастлива была вдова, когда увидела, что ее единственный сын возвращен ей живым. Правда, сын этот рано или поздно умер бы вновь, как и она сама. Проблема возникла бы еще раз. И тут мне в голову приходит опыт святого Павла. Оказавшись в заключении в Риме и ожидая приговора, который мог означать его смерть, он, полный благодарности и радости, писал христианам в Филиппах, коих «имел в сердце» и «любил горячей любовью». Слова его любому бы показались нелепыми: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение». Как такое возможно? Он видел Христа живым, воскресшим, окон-

³² Бенедикт XVI. *Проповедь в Регенсбурге*. 12 сентября 2006 г.

чательно победившим смерть, и от этого рождалась его уверенность, его радость, его подход к тюремному заключению, да и ко всем мгновениям его существования («живу ли я, умираю ли»). Все определялось отношением с Присутствием. Христос сейчас (и я говорю, думая о событиях, происходящих в эти дни и вовлекающих и многих христиан) не устраняет драму и боль от разлуки с дорогими нам людьми, но позволяет переживать их иначе и предстоять перед смертью, так что в нас господствует не нигилизм, а уверенность в Его победном присутствии, в Его бесконечном объятии, а потому и уверенность в свершении жизни, в окончательном отношении с Ним. Это возможно лишь для тех, кто увидел в собственном опыте знаки такого свершения и желание, возрастающее и превосходящее все остальные, желание, как пишет святой Павел, «быть со Христом, ибо это несравненно лучше»³³. Лучше не из презрения к жизни, но как раз из любви к ней, которая требует вечности.

³³ *Флп.* 1:21, 23.

Но как мы, наблюдая все, что происходит сегодня, будучи погруженными в господствующий менталитет, можем признать истинность этих утверждений?

Такие утверждения достойны доверия исключительно в том случае, если здесь и сейчас мы видим людей, в которых подтверждается победа Бога над страхом и смертью, Его реальное и современное нам присутствие, а значит, и новый подход к обстоятельствам, исполненный обычно незнакомых нам надежды и радости и устремленный к неустанному деланию.

Больше любых успокаивающих разговоров или нравственных рецептов нам нужна возможность замечать людей, в которых воплощен опыт этой победы, опыт объятия, позволяющего предстоять перед раной от страданий, от боли; людей в которых мы находим свидетельство о существовании смысла, соразмерного вызовам жизни.

И такие люди существуют?

Еще как существуют! В подобные моменты, заметить их проще как раз в силу инаковости их жизни, в силу надежды,

которую они несут. Вместе с ними и нам, когда мы с ними встречаемся, легче будет начинать заново, подниматься после падений, воссоздавая фрагмент за фрагментом ткань общества так, чтобы возведение защитных укреплений и страх не были последним словом.

Много таких людей я вижу среди врачей, медсестер и медбратьев. Они являются по-настоящему «дружеским» присутствием и свидетельствуют о возможном пути. Не мы устанавливаем это присутствие, столь исключительное, хотя и существующее в рамках самых обычных обстоятельств, присутствие, оставляющее нас без слов, в молчании, как женщина, письмо которой я сейчас процитирую. Я раздумывал, поместить его здесь или нет, потому что в нем есть упоминание и обо мне, но, как мне показалось, оно того стоит в любом случае.

«Внезапно я словно была брошена в окопы. Ощущение, что ты на войне. В один день моя повседневная работа и семейная жизнь изменились. Я, врач, мама, жена, теперь сплю отдельно от мужа, уже две недели не вижу моих детей, не могу вступать в прямой контакт с пациентами. Между мной и моими больными – маска, очки

и защитный костюм. Многие из больных – пожилые люди, переживающие настоящий момент в одиночестве. Им страшно. Они умирают одни. А родственники, изолированные в своих домах, не могут помочь близким, и я звоню им по ночам, чтобы сообщить о смерти родного человека: между ними и мной – телефон. Что я по-человечески, по-христиански могу сделать для них? Я захожу в отделение, ищу улыбку и объятие моей подруги-медсестры: в этот момент изоляции мне нужно физически чувствовать, что мы вместе. Я могу обнимать только их. Во всем этом меня поддерживает ежедневное чтение письма Каррона в *Corriere della Sera*³⁴, которое помогает мне возвращаться в позицию открытости и спрашивать себя, что же в конце концов способно выстоять. Я призвана признавать главное, истинное. К этому добавляется работа, проделанная над текстом школы общины: вера может возрастать в испытаниях, если наша свобода задействована перед лицом Предпочтения, которое просит от нас всего. И это головокружительно.

³⁴ Х. Каррон. *Как в трудной ситуации мы учимся побеждать страх*. Письмо в газету *Corriere della Sera*. 1 марта 2020 г.

Мы должны довериться и согласиться на такой риск. Уверенность, поддерживающая нашу жизнь, есть отношение, и нужно проделать путь, чтобы дойти до такой любовной уверенности. Обстоятельства даны нам, чтобы еще больше привязаться к Нему, Он таинственным образом зовет нас. Верить – значит доверяться Ему, зовущему нас. „Только когда в нас преобладает обоснованная надежда, мы в состоянии встречать обстоятельства, не убегая от них“. Мы, как никогда, призваны отвечать Ему, таинственным образом зовущему нас. Такую уверенность, помимо медицинской помощи, я могу передать моим больным, родным».

Присутствие подобных людей вселяет уверенность, обоснованную надежду в любого, кто встречается на их пути, и это возможно лишь потому, что они сами живут этой уверенностью, этой надеждой.

Иначе говоря, мало «христианских» слов...

По-настоящему помогает только свидетельство, только подтверждение, что в христианской встрече, распознанной и пережитой, рождается иная человек-

ность. И мы не в состоянии «придумать» свидетелей, мы можем передавать, предлагать другим исключительно тот опыт, который сами приобретаем на нашем личном пути. Недавно я общался с женщиной, чей муж заразился коронавирусом. У нее нет возможности проведать его, провести с ним хотя бы минуту. Кроме того, у нее маленькая дочь. Она говорила мне: «Понимаешь? В этот момент мне хотелось бы помочь ему, быть близко, я же застряла дома с дочерью». Я сказал ей: «Нужно, чтобы и ты согласилась отвечать на данные тебе обстоятельства, как пытаются делать твой муж в ситуации, в которой он оказался. В противном случае, если ты не проделываешь путь, если сама не живешь в отношении с Присутствием, побеждающим страх, то чем сможешь помочь ему, когда позвонишь ему по *FaceTime*, чтобы он увидел дочь? Ты можешь разделить его тяготы, поддержать его, пока он страдает в больнице, только совершая твой собственный путь. И тогда, даже без единого слова с твоей стороны, он различит в твоём лице надежду, которая способна подкрепить его».

Что пробуждают в тебе люди, которые находятся, так сказать, на передовой в битве с коронавирусом, которые ежедневно подвергаются риску?

В эти недели я стал свидетелем расцвета великодушия, самоотдачи и заботы, глубоко тронувших меня. Я безмерно благодарен тем, кто, рискуя собственной жизнью, разделяет нужду своих братьев.

«Видя других людей, которым хуже, чем нам, мы ощущаем потребность помочь. Потребность эта настолько первична, настолько естественна, что появляется у нас еще до того, как мы ее сознаём, и мы справедливо называем ее законом существования. <...> Интерес к другим, общение с другими позволяют нам выполнять высший, а точнее единственный жизненный долг, – реализацию самих себя, совершение самих себя»³⁵. Цель христианской встречи – поддерживать и делать все более постоянным и истинным такой человеческий порыв, превозносить человечность, чтобы жизнь во всех ее проявлениях могла становиться

³⁵ L. Giussani. *Il senso della caritativa* // Pubblicazioni. www.clonline.org. P. 5–6.

«милосердной любовью», взволнованным и безвозмездным даром самих себя.

Не являются ли сегодняшние «обстоятельства», этот период вынужденного одиночества помехой для христианского опыта, о котором ты говорил? «Социальное дистанцирование» включает в себя и отдаленность от «присутствия», описанного выше, и меньше возможностей для совместного проживания жизни, для пребывания в компании...

Наоборот, сложившаяся ситуация – прекрасная возможность для углубления христианского опыта, для большей зрелости веры, то есть для того, чтобы мы открыли содержание произошедшей с нами встречи, истоки компании, которую мы начали воспринимать как место, порождающее, образующее нас. Если такого открытия не происходит, мы остаемся на поверхности, рискуем свести христианское событие на социологический уровень, лишить компанию ее подлинного значения. Попробую объяснить мою мысль с помощью примера. Один мой молодой друг окончил университет и начал новую жизнь. В ре-

зультате нам больше не удастся видеться так часто, как когда он учился. Недавно он сетовал мне на это. Я напомнил ему об одном отрывке из Евангелия. Как-то раз ученики поплыли с Иисусом в лодке и вдруг поняли, что забыли взять хлеб. И хотя на их глазах совершились два великих чуда, два умножения хлебов, каких никогда не бывало в истории, они начали ругаться между собой, поскольку забыли хлеб. Я обратил внимание моего друга на то, что Иисус-то сидел там, рядом с ними, в лодке! А они продолжали жаловаться! Их проблема заключалась не в том, что они были одни: Иисус был с ними, но для них Его словно не было. И действительно, они обсуждали друг с другом отсутствие хлеба! Чтобы показать им, в чем проблема, Иисус не совершил очередное чудо. Какой в нем толк после всех чудес, которые они уже видели? Что же делает Иисус? Он задает им три вопроса. Первый: «Сколько хлеба осталось после первого умножения?» И далее: «А сколько осталось после второго?» И наконец: «Неужели до сих пор не понимаете?».³⁶ Как драгоценна помощь, которую Иисус оказывает Своим друзьям,

³⁶ Ср. *Мк.* 8:19–21.

не избавляя их от вопросов! Он не добавляет объяснений, не совершает новых чудес, а побуждает их исходить из опыта, использовать в полной мере разум, чтобы ученики могли осознать, Кого встретили (они имели с собой господина «хлебопекарни»!). Будьте внимательны: если они не поняли, то не потому, что были одни или не располагали достаточными средствами, а потому, что еще не вполне хорошо пользовались разумом. И правда, Иисус явил им Себя во многочисленных знаках, указывавших на исключительный ответ, наконец-то созвучный сердцу, нужде – их собственной и других людей, в знаках, которые ученики видели в разных ситуациях, в том числе и драматичных, но они все еще не признали, кем Он был, не дошли до признания, называемого верой и «цветущего на последнем пределе движения разума, подобно цветку благодати, к которому человек прирастает своей свободой»³⁷.

Христианская вера – не просто признание «божественного», это признание божественного, присутствующего в человеческом, в Иисусе из Назарета, в Христе, а сегодня – в том знаке Христа, каким является

³⁷ *Прочертить след в истории мира.* С. 43.

компания верующих в Него. «Событие Христа длится в истории через сообщество верующих»³⁸. «Иисус Христос, Человек, живший две тысячи лет назад, таится, становится присутствием под покровом, под видом иной человечности. Мы встречаемся, сталкиваемся с иной человечностью»³⁹, с феноменом иной человечности: ты пересекаешься с ней и с удивлением замечаешь новое предчувствие жизни, возможность большей уверенности, положительности, надежды и пользы в жизни. Со многими из нас это «столкновение» могло произойти, но в нас не укрепилось признание, называемое верой, цветущее на последнем предделе движения разума, подобно цветку благодати, и охватывающее весь путь разума, привязанности и свободы человека. Вынужденная самоизоляция побуждает нас не считать само собой разумеющимся феномен новой человечности, с которым мы столкнулись, и именно поэтому она представляет собой прекрасную возможность более сознательным и личным образом идти по этому пути, чтобы осознать

³⁸ Там же. С. 54.

³⁹ L. Giussani. *Qualcosa che viene prima // Tracce – Litterae communionis*. N. 10. 2008. P. 1–2.

природу события, достигшего нас в форме притягательной и убедительной встречи. Мы либо пользуемся этой возможностью, либо пускаемся в жалобы, как ученики в лодке.

Однако в ситуации вынужденной изоляции по-прежнему невозможно разделить боль и страдание с близкими людьми, лежащими в одиночестве в медицинских учреждениях...

Об этом спрашивала меня одна девушка из Мадрида в последнюю неделю марта, когда я провел видеовстречу со студентами. Она рассказывала: «Мой дедушка сейчас в больнице. Он, вероятно, умрет, и у нас в семье возник большой вопрос, поскольку мы не можем быть рядом с ним. Он не просто умирает, он умирает в одиночестве. Я ощущаю все свое бессилие и говорю себе: „Почему я не могу быть с ним? Почему не могу поддержать его?“» Ситуация очевидным образом требует, в некотором смысле вменяет в обязанность жертву: то, что мы хотели бы сделать, неосуществимо, запрещено. Но вопрос все тот же: обстоятельства, как они нам „даны“,

во всей их неизбежности (нам не под силу их устранить, изменить, исправить, а иначе, особенно в подобных случаях, мы бы тут же вполне обоснованно сделали это), являются могилой, абсолютной пустотой, полным уничтожением, или же они – призывание, место таинственного призыва, способ, которым Тайна, лежащая в основании всей реальности, побуждает меня искать свершения жизни, идти к судьбе? Альтернатива в этом.

Если та девушка распознаёт реальность как призыв, она может сказать (что она и сделала, продолжив свое выступление): «Даже это обстоятельство для меня. Даже это бессилие для меня. Даже одиночество моего дедушки в больнице для него. От меня требуется готовность прилепиться к знаку Тайны – обстоятельствам, следовать за провокациями реальности». Это головокружительно и драматично, как я говорил выше. Тайна воплотилась, чтобы человек мог выдержать головокружение, пережить и принять драму. Девушка из Мадрида подтвердила это перед теми, кто ее слушал. «Да», сказанное обстоятельствам, становится «да», сказанным воплощенной Тайне, тому Человеку, Иисусу Христу, умершему и воскресшему,

присутствующему здесь и сейчас, две тысячи лет спустя, в плоти человеческой компании, Им порожденной, четко различимой по определенным чертам, которые не перепутаешь ни с какими другими. «Истинность веры, – говорил отец Джуссани в 1972 году, в очень сложный исторический момент, – видна по способности превратить в инструмент и в возможность взросления... [то, что нам] представляется препятствием, преследованием или трудностью»⁴⁰.

Иными словами, те, кто находится в четырех стенах своего дома, призваны переживать такой же опыт, что и люди на передовой?

Суть опыта не меняется. Она состоит в том, чтобы отвечать реальности, которая нас призывает, ее таинственной глубине, в том, чтобы именно в данных нам обстоятельствах делать шаг к нашей судьбе, к нашему свершению, и открывать, что и кто помогает нам сохранять в себе такую

⁴⁰ L. Giussani. *La lunga marcia della maturità // Tracce – Litterae communionis*. N. 3. 2008. P. 57.

устремленность. Я думаю об одном студенте, который еще несколько недель назад находился в круговороте отношений: он никогда не сидел дома и был погружен в миллион встреч и инициатив. Внезапно правительственный декрет заставляет его, как и всех, самоизолироваться. Дни за днями, двадцать четыре часа в сутки рядом с родителями. Но он воспринял эту ситуацию не как невезение, а, напротив, как возможность, как провокацию – в том смысле, который мы обозначили выше. Через две недели он написал мне: «Перед перспективой остаться дома меня охватил страх; я всегда старался ускользнуть из дома, никогда не чувствовал себя там в своей тарелке. Но потом я вспомнил о безвозмездном взгляде, который ощущал в эти годы во встрече с определенными людьми из общины, и о тех моментах последнего времени, когда мне удавалось смотреть на родителей и не применять к ним мою „мерку“. И я заметил, что это случалось, когда в течение дня я признавал присутствие Христа. Лишь в такие моменты я был перед ними свободен. Я начал период самоизоляции, молясь, как никогда не молился. Я говорил: „Прошу Тебя, Господи, покажись“. К моему удивлению, я начал за-

мечать, что изъян не был исключительно в моих родителях, скорее это был прежде всего мой изъян, ведь это я смотрел на них, имея в голове идеальный образ, сравнивал их с другими и браковал. В последние дни я начал смотреть на них по-настоящему и осознал, кто они. До сих пор я был перед ними, думая, что знаю о них все, и потому даже не пытался начинать разговор или проводить с ними время. Теперь же они мои спутники на жизненном пути, и между нами происходят события, которых я и не представлял».

Этот молодой человек не мог больше относиться к родителям согласно сложившимся у него идеям о семье; совместная жизнь в замкнутом пространстве, принятая, проживаемая как призвание, побудила его считаться с тем, кем они являются в действительности. И это принесло пользу его жизни, он сразу заметил результат. Благодаря «да», сказанному в ответ на вызов реальности, он совершил неожиданные шаги.

Держась обстоятельств, идя до самой глубины определенных ситуаций, в которые нас «загоняет» сила событий, мы можем делать открытия, означающие точку невозврата для нашей жизни. Об этом

недавно свидетельствовала одна студентка, рассказавшая во время другой видеовстречи следующее: «Несколько недель назад после года болезни умерла моя мама. Ровно через неделю после похорон я оказалась одна взаперти. Мои братья живут за границей, а мой отец выходит из дома в шесть тридцать утра и возвращается в восемь тридцать вечера после работы в больнице. В эти дни одиночества (очень напряженные, не стану отрицать) я, однако, замечаю, что даже такая ситуация и такие условия могут быть подарком. Чтобы не тратить впустую целый день, я вынуждена спрашивать себя сразу же, как открою глаза, в чем действительно нуждаюсь. Я прошу некоторых друзей составлять мне компанию и рассказывать, как живут они. Кроме всего прочего, эта ситуация не позволяет мне отвлечься от смерти мамы. Напротив, даже когда я неуклюже занимаюсь делами по дому, все напоминает мне о ее жестах, о ее словах, и так двадцать четыре часа в сутки. Как бы то ни было, в боли, которая с течением времени усиливается, я сознаю, что моя мама, пусть и иначе, чем раньше, присутствует в моей жизни, движет мной в эти дни, ничем, на первый взгляд, друг от друга не отлича-

ющиеся. Ровно то же самое происходит и в отношениях с моим молодым человеком, который физически не рядом со мной, но он есть, он переживает свой карантин на многокилометровом расстоянии, и, просто вспоминая о его существовании в течение дня, я начинаю двигаться. Жизнь, зародившаяся во мне после смерти мамы (я переживаю одиночество, всего-навсего делаю то, что должна делать, но с необъяснимым для меня глубоким умиротворением), побуждает меня говорить, хотя и с дрожью в коленках, что Христос действительно позволяет жизни одерживать победу над смертью. Я ощущаю огромную благодарность за все случившееся. Параллельно во мне растет и боль, поскольку по вечерам мой отец возвращается из больницы опечаленным, он безмерно тоскует по маме, и наши ужины всегда проходят в молчании. Мое бессилие делает меня грустной, и я спрашиваю себя, что требуется от меня в этих обстоятельствах, что в действительности значить „жертвовать“, когда речь о стирке одежды или о чтении учебника».

Чем эта девушка может помочь своему отцу, когда он возвращается вечером домой смертельно уставшим и не хочет разговаривать? Только путем, который она со-

вершает, сознанием о самой себе и о том, что позволяет ей жить, ее лицом, озаренным благодарностью.

Недавно в письме, обращенном к друзьям из «Общениа и освобождения», как раз в связи с ситуацией, спровоцированной коронавирусом, ты писал: «Признание Христа и наше „да“, сказанное Ему даже в изоляции, в которой каждый из нас, возможно, вынужден находиться, – уже вклад в спасение каждого человека сегодня, предшествующий любым оправданным попыткам составлять друг другу компанию, которые, однако, следует предпринимать в пределах дозволенного». Объясни, что ты имел в виду.

Я хотел сказать, что наибольший вклад, который мы вносим в жизнь мира, – это наше «да» призыву Тайны, наше «да» Христу, вера, а не то, что нам удастся сделать. И правда, даже когда мы что-то делаем, как те, кто сейчас находится «на передовой», нашим наибольшим вкладом остается «да», ведь оно меняет и то, как мы это делаем, и чем искренней мы его произносим, тем бóльшую пользу оно приносит

нашим братьям-людям. Важно понимать: я ни в коем случае не противопоставляю веру и действие, наоборот: в основе полноценного и неустанного действия лежит вера. Она корень того действия, что по благодати принимает форму милосердной любви, безусловного утверждения блага другого человека, выражаемого разными способами в зависимости от ситуации. Наиболее самобытный вклад в жизнь мира с нашей стороны – признание Христа, наше «да», сказанное Ему, идет ли речь о делании или о невозможности что-либо делать. Во время Великого поста в 2006 году Бенедикт XVI сказал памятные до сих пор слова: «И сегодня, во времена глобальных взаимосвязей, можно констатировать, что никакой проект, экономический, общественный или политический, не заменит дар себя другому человеку, в котором проявляется милосердная любовь. Тот, кто действует согласно этой евангельской логике, переживает веру как дружбу с воплощенным Богом и, подобно Ему, берет на себя материальные и духовные нужды ближнего. Он смотрит на него как на неизмеримую тайну, достойную бесконечной заботы и внимания. Ему известно: кто не дает

Бога, дает слишком мало, о чем говорила блаженная Тереза из Калькутты: „Первая нищета народов – незнание Христа“. И потому нужно позволить людям обрести Бога в милосердном лике Христа: без такой перспективы цивилизации недостает прочного основания»⁴¹.

Изоляция и вынужденное бездействие, в которых многие сейчас живут, могут стать благоприятным моментом, чтобы заметить, что живая вера есть наш самобытный вклад как христиан, поскольку, если в наших попытках поддерживать других людей, предпринимаемых в рамках существующих сегодня ограничений, не проступает Христос, не проступает наше «да» Христу, мы будем давать «слишком мало», мы не дадим им главного. И поэтому даже в изоляции, в которой каждый из нас вынужден находиться, наше «да» Христу – уже вклад в спасение каждого человека сегодня, предшествующий любым оправданным попыткам составлять друг другу компанию, оно представляет собой саму суть этих попыток.

⁴¹ Бенедикт XVI. *Послание на Великий пост 2006 г.*

Это подрывает наши идеи о вкладе в жизнь мира, в благо всех людей, начиная с самых близких, идеи, из-за которых многие чувствуют себя сейчас несколько бесполезными. Невозможность «делать» удручает...

Я всегда думаю, что Церковь провозгласила покровительницей миссий святую Терезу Младенца Иисуса, монахиню-затворницу, умершую очень молодой. Как такое возможно? Что говорит нам о ней Церковь? Что ее «да», сокрытое, недействительное с точки зрения мира, было для этого мира благом. Я понимаю, это расшатывает наши привычные представления о том, что мы можем дать другим. Возможно ли, чтобы Церковь указывала на девушку, никогда не покидавшую монастырь, как на величайшую миссионерку, покровительницу миссий? Это кажется нелепостью. Но «да» той маленькой монахини имело важное значение для мира. Подумаем хотя бы о том, скольких людей изменила ее вера, свидетельство ее жизни, напрямую или опосредованно. Как я часто повторяю, «да» Богородицы, произнесенное в ее загадочной безвестности, стало самым большим вкладом в жизнь мира и каждого че-

ловека; таким же было для нас и «да» отца Джуссани и многих других.

В эти дни я читал книгу Терезы Гутьерес де Кабьедес «Ван Тхуан. Свобода за решеткой»⁴². В ней рассказана история великого свидетеля веры, история жизни, прожитой в последовательной и героической верности собственному призванию, как говорил о нем папа Иоанн Павел II. В 1975 году, недолгое время спустя после назначения архиепископом-коадьютором Сайгона (Хошимина), Франсуа Ксавье Нгуен Ван Тхуан был обвинен в измене и арестован. «Нгуен Ван Тхуан... тебя привели сюда из-за проблем, которые ты создал правительству суверенного народа Вьетнама. Ты обвиняешься в империалистической пропаганде и шпионаже в пользу иностранных сил». Он провел в тюрьме тринадцать лет, девять из них – в изоляции. Я был поражен тем, как он переживал эти обстоятельства. Оказавшись взаперти в ужасных застенках, он тоже спрашивал себя, какую пользу может принести его жизнь: «Что толку оставаться в живых, если я не в состоянии исполнять миссию, ради которой родил-

⁴² T. Gutiérrez de Cabiedes. *Van Thuan. Libero tra le sbarre*. Roma: Citta Nuova, 2018.

ся?» Поэтому, «пав на землю, он вновь начал молить Бога, прося освободить его. <...> „Я оставил в одиночестве моих сирот, моих бедных, мою семью. <...> И что теперь? Какой смысл биться здесь, словно насекомому?“» Все казалось ему напрасным, но Тайна припасла для него сюрприз. Во время внутреннего диалога с Богом он услышал голос, сказавший ему: «Ты совершил великое. <...> Ты сетуешь, что не можешь трудиться ради Меня. Почему ты не оставишь твои планы? Меня ли ты любишь или деяния, которые совершаешь ради Меня? <...> Ты беспокоишься о близких, потому что любишь их. Сколь же больше Я желаю помочь им! Доверься Мне. Я позабочусь о твоих делах там, снаружи»⁴³.

Плоды своего «да» Ван Тхуан увидел со временем, вначале он, конечно же, и представить не мог, *что* родится от его согласия. Лишь согласившись идти по таинственному пути, проложенному перед ним, он с удивлением заметил, что все, с кем он встречался в тюрьме, менялись, в первую очередь – надзиратели, охранявшие его. Власти вынуждены постоянно выставлять

⁴³ *Ibidem*. P. 9–10, 67–69.

новый караул, поскольку прежний неизбежно «заражался»: люди, вступавшие в контакт с Ван Тхуаном менялись. «Все хотят сидеть с тобой в одной камере, – кричали ему те, кто держал его в тюрьме, – но мы не позволим, чтобы ты заразил всех наших заключенных»⁴⁴. Порой такое «цветение» очевидно для нашего взора, порой нет, но это не значит, что «да», сказанное Тайне, не производит никакого эффекта в настоящем.

Больше всего меня поразило момент, в который Ван Тхуан задался вопросом, почему Тайна допустила, чтобы он оказался в такой ситуации. О том же спрашивали его надзиратели. Они не могли понять, почему он так упорно стоит своей позиции, тогда как стоило только раскаяться в «предательстве» родины, чтобы выйти на свободу и надеяться на прекрасное будущее. Чем больше вызов, стоящий перед нами, тем отчетливее звучит вопрос о причинах. Во время очередного допроса на этот счет, проведенного лицами, которым выгодно было держать его за решеткой, он ответил, что достаточно долго размышлял, не ошибается ли он, настойчиво сохраняя

⁴⁴ *Ibidem*. P. 187.

верность своей позиции, то есть доверяя замыслу Другого, а потом добавил, что, чем больше он об этом думает, тем счастливее себя чувствует от свободы, которую получил, расцвет которой увидел в себе, несмотря на тюрьму.

Плоды, вклад в благо мира – это рождение свободной личности, личности, обладающей свободой наперекор любому заключению. Она достигнет своего свершения лишь в вечности, но ее можно заметить уже в настоящем по расцвету немыслимой свободы, которая является свидетельством перед всеми: «В чем твой секрет? Мы сделали твою жизнь невыносимой...» – спрашивали у Ван Тхуана. А он отвечал: «Как мне не восклицать от радости, когда я вижу, что Кто-то дает мне любовь, разрушающую ненависть и негодование?»⁴⁵ Ему тоже кажется невозможным тот факт, что кто-то позволяет ему так цвести, делает его таким свободным, поскольку цветение наступает согласно замыслу и срокам, установленным не нами. Если человек соглашается, результат превосходит любые ожидания.

Кто знает, как мы, вынужденные оста-

⁴⁵ *Ibidem.* P. 322.

ваться дома, чтобы избежать заражения, считаемся с ситуацией, которую переживаем: задыхаемся ли, словно зайдя в тупик, или с удивлением замечаем в себе бóльшую свободу?

Что останется от всего, чем мы сейчас живем, когда закончится чрезвычайное положение?

Кто-то написал, что из этой великой пандемии мы выйдем изменившимися. Добавлю: мы выйдем изменившимися, но только если начинаем меняться сейчас. То есть если мы осознаём происходящее с нами, если присутствуем в настоящем и уже сегодня учимся выносить суждение о том, что переживаем, сидя по домам или работая «на передовой», чтобы остановить заражение. Изменение не происходит просто потому, что мы выдерживаем удар за ударом, событие за событием, накапливаем впечатления от них; чтобы измениться, нужно понимать смысл происходящего, то есть приобретать знание. И потому изменение не может быть машинальным. Мы выйдем из этой ситуации изменившимися, если сейчас, благодаря вызовам, которые

бросает нам реальность, лучше пойдем, кто мы и ради чего стоит жить, что позволяет нам не быть подавленными. Я часто цитирую слова Бенедикта XVI: «Прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере. Здесь, в растущем познании структур материи и в соответствии со все более передовыми изобретениями, очевидна преемственность прогресса по направлению ко все большему господству над природой. В области же этического знания и принятия нравственных решений подобной возможности суммирования нет – по той простой причине, что человеческая свобода является всегда новой и человек должен принимать свои решения каждый раз заново. Другие просто не могут принимать их за нас – в противном случае мы теряем свою свободу. Свобода же предполагает, что в принятии основополагающих решений каждый человек и каждое поколение являются новым началом»⁴⁶.

Это означает, что, не приучившись выносить суждение о том, чем мы живем в эти дни обязательной изоляции или

⁴⁶ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 24.

необходимости бороться с вирусом, мы все потеряем. Писатель Паоло Джордано подчеркивает: «Вот уже месяц, как немислимое ворвалось в нашу жизнь. <...> Но когда-то это кончится. <...> У нас же, пребывающих в рассеянности, будет одно желание: смахнуть с себя все. Схождение великой тьмы. Начало забвения. Если только мы не осмелимся размышлять сию минуту. <...> Представим себе „потом“, начав сейчас. Так мы не допустим, чтобы немислимое еще раз застало нас врасплох»⁴⁷.

Речь о проверке, которую нужно совершать ежедневно, от пробуждения до момента, когда мы вечером ложимся спать. Тот же Джордано говорит: «Я решил воспользоваться этой пустотой, чтобы писать...: не хочу потерять то, что эпидемия открывает нам о нас самих. Когда мы преодолеем страх, изменчивое сознание испарится в мгновение ока, [но] определенные мысли, пробужденные вирусом, по-прежнему будут действительны»⁴⁸. И безусловно, без работы над самими со-

⁴⁷ *Corriere della Sera*. 21 marzo 2020.

⁴⁸ *Corriere delle Sera*. 24 marzo 2020.

бой, все испарится, и мы вернемся к привычным вещам, ничему не научившись у этих странных и болезненных обстоятельств. Но только мы можем решить проводить над собой работу: к ней единственной нас не в состоянии принудить никакой декрет, никакое правило. На этом уровне нет ничего машинального. Так давайте решим! Работа эта требует внимания, а значит, разум и свобода должны постоянно бодрствовать, быть готовыми ухватить проходящее мгновение. В противном случае жертва и беспокойство просто-напросто уступят место забывчивости. Это прекрасно понимает знаток человеческой души психотерапевт Эудженио Борнья: «Когда опасность исчезает, в людей легко проникает забвение. Однако найдется кто-то (не знаю, сколько их будет), кто в этих времена страданий разглядел возможность быть внимательней, чтобы больше прислушиваться к себе и к другим. Да, некоторые из нас после этого сурового испытания возродятся и окажутся способными надеяться вновь»⁴⁹.

⁴⁹ *Avvenire*. 25 marzo 2020.

*Но пока что пандемия продолжается.
И теперь уже всем ясно, что мы имеем
дело не с кратковременным явлением.*

И так мы понимаем ценность времени, которое подвергает проверке нашу позицию перед лицом вещей, наш подход к жизни, к отношениям, к различным ситуациям. Когда реальность не подчиняется нашим ожиданиям, стратегиям, инициативам, обнаруживается состоятельность или несостоятельность нашей личности и багажа убеждений, светских или религиозных, который мы несем.

С самого начала мы были свидетелями множества колебаний в подходе к эпидемии, к борьбе с ней. Почему так сложно найти адекватный путь?

У меня нет информации для ответа на этот вопрос. Ограничусь лишь тем, что констатирую в области моего опыта и что имеет ценность для меня. У Честертона есть фраза, которую я нахожу обезоруживающей: «Беда не в том, что наши мудрецы не могут найти разгадку; беда в том,

что они не видят самой загадки»⁵⁰. Чтобы увидеть ответ, нужно видеть загадку. А для этого необходимо занимать определенную позицию перед реальностью, позволять ей пробуждать в нас вопросы, следовать за ее подсказками, быть готовыми пересмотреть собственные идеи и проекты и учиться у всех, кто может оказать нам помощь. Одним словом, проблема во взгляде на реальность, и она касается всех нас. К тому же необходимо быть свободными от своих ошибок и от корыстных ожиданий (желания добиться от других определенных реакций). Так мы сможем быстрее преодолеть загвоздки, неудачи, растерянность, имея единственным ориентиром всеобщее благо и ничего другого.

Позволь мне спросить: а что в эти дни больше всего поддерживает тебя?

Я неоднократно видел, как важно не уклоняться от вызовов, от которых жизнь меня не избавляет. Поэтому и нынешний вызов

⁵⁰ Ср. Г. К. Честертон. *Ортодоксия*. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. С. 47–48.

я встретил в стремлении открыть для себя, во что выльется эта провокация, которая с каждым днем все больше обнаруживала свой подлинный масштаб. Я не мог смотреть на происходящее и не поражаться, не изумляться Присутствию, господствующему в моей жизни. И перед лицом уязвимости, проявлявшейся во всей своей очевидности и многогранности, во мне все сильнее звучал вопрос: «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»⁵¹

Именно это Присутствие, это «Ты» формирует взгляд на вызов, с которым я, как и все, должен иметь дело, именно оно позволяет мне по-человечески переживать головокружение, которое провоцирует, и не бежать от драмы, от боли, от смерти, что я наблюдаю вокруг себя и чей отголосок ощущаю в себе. Я стараюсь все это переживать как возможность для проверки веры. Давая вопросам, возникающим в настоящей ситуации, охватывать меня, я с удивлением замечаю в себе свет, позволяющий мне подступаться к ним, чувствую всю разумность подхода, который подсказывает мне вера.

⁵¹ Пс. 8:5.

Иисусу дорого все в моей человечности и в человечности других людей. Я сейчас лучше понимаю, откуда бралась нерушимая уверенность святого Павла, которой он достиг как раз потому, что ни от чего не был избавлен: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? <...> Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, не высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»⁵².

Люди, живущие такой уверенностью, являются надеждой для всех (в первую очередь для меня в эти дни), в том числе и для тех, кто чувствует собственную слабость перед вызовом коронавируса, кто далек от веры святого Павла. Они способны зажечь и в других желание иметь такую веру, если просят о ней во всяком действии, малом или великом, которое совершается в течение дня и становится героическим.

Кто из нас не хотел бы достичь подоб-

⁵² Рим. 8:35–39.

ной уверенности, тем более, что мы пока не знаем, как выйдем из кризиса, не только с санитарной точки зрения, но и с учетом всех предсказуемых последствий, которые нас ожидают? Лишь обладая такой уверенностью, мы и правда сможем не остаться глухими к призыву обстоятельств и не упустить возможность стать в большей степени самими собой, а значит, и принести бóльшую пользу другим.

